

М.В. Безобразова

**Краткий обзор существенных
моментов истории философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М11

М11 **М.В. Безобразова**
Краткий обзор существенных моментов истории философии / М.В. Безобразова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 237 с.

ISBN 978-5-458-54294-4

ISBN 978-5-458-54294-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гаются первыхъ оснований бытія и мышленія, какъ гласить ставшее шаблоннымъ опредѣленіе, область тѣхъ коренныхъ вопросовъ жизни, которые всѣмъ намъ близки, можно бы сказать теперь: «Не тотъ философъ, кто мудръ, (*σοφός*), говоритъ Платонъ въ Пирѣ и Лизіѣ, не тотъ также, кто ничего не знаетъ (*ἄμειβνς*), а только тотъ, кто стоитъ на распутьѣ между знаніемъ и незнаніемъ» (*φιλόσοφος*). Друзья мудрости это люди мыслящіе, но не знающіе, стремящіеся къ знанію, но имъ не обладающіе. Они стоятъ на распутьѣ, потому что передъ ними открыты всѣ дороги, но ни одна изъ нихъ имъ не по душѣ.—*Въ известныя и это лучшія минуты жизни всѣ мы философы.* Кто не жаждетъ иногда выйти изъ узкихъ рамокъ, въ которыя заключена наша обыкновенная жизнь. кто не хочетъ отдать себѣ отчета въ тѣхъ вѣчныхъ вопросахъ, которые одни поднимаютъ насъ надъ животнымъ міромъ, одни отрываютъ отъ этой жизни Сизифа.

И въ такіа-то минуты намъ дороги тѣ, которые задумались надъ тѣмъ, что волнуетъ и мучаетъ насъ самихъ, близки люди, которые оставили намъ въ наслѣдство лучшее, что есть на землѣ—*та гениальная система, сущность которой составляетъ какъ бы частную насъ самихъ.* Пусть мы отлично знаемъ, что системы эти только гипотезы! Гипотеза вѣдь, а не фактъ и весь міръ поэзіи, гипотеза и музыка, нашедшая ключъ къ нашему сердцу. Одними фактами мы довольствоваться не можемъ, а потому у насъ есть и философія.

Если кто думаетъ найти въ какой-нибудь системѣ неизблемую истину, если кто требуетъ отъ философіи точныхъ и категорическихъ отвѣтовъ, то это значитъ, что онъ не вполне еще винкъ въ ея сущность. Философія не можетъ давать точныхъ и категорическихъ отвѣтовъ, потому что она міръ стремленій и попытокъ, и тотъ, кто хочетъ готовыхъ отвѣтовъ и думаетъ на нихъ успокоиться не философъ. Друзья мудрости вѣдь стоятъ на распутьѣ—они хотятъ раздвинуть рамки потому что имъ тѣсно въ нихъ. Поучительна всякая такая попытка и поучительна потому и вся исторія философіи.

И если съ теченіемъ времени неминувша еще большая дифференціация или специализация наукъ, если еще болѣе развѣтвится и философія, и методы ея сдѣлаются разнообразнѣе, больше станетъ въ ней различныхъ направлений, тоньше ихъ отѣнки и сложнѣе системы, никогда не перестанетъ существовать и метафизика. И она всегда останется тѣмъ, чѣмъ не можетъ не быть—покрываломъ, которое отъ глазъ юноши въ Саясѣ скрывало статую.

Отдернуть его нельзя потому что человѣкъ все понявшій не можетъ

уже жить. Жизнь на землѣ покажется ему слишкомъ узкою, и такой человекъ не будетъ уже человекомъ.

Попытки и стремленія философіи бесплодны, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія результатовъ, съ той самой точки зрѣнія, съ которой, именно, и нельзя смотрѣть. Если же не судить настолько односторонне, если не забывать того, въ чемъ сущность философіи, нельзя не связывать въ нею глубокаго интереса. Нельзя относиться равнодушно къ попыткамъ столькихъ поколѣній рѣшить основные вопросы. Преобразомъ философіи всегда останется Прометей, *и онъ и Сизифъ никогда не поймутъ другъ друга.*

Можно даже сказать, что избранныками поколѣній были философы. Творчество ихъ умовъ выразилось въ формѣ, не всегда доступной сразу, а иногда еще болѣе недоступной, благодаря работѣ такихъ усердныхъ комментаторовъ или толкователей, которые стараясь объяснить, стираютъ лучшее и оставляютъ ненужное и несущественное, то самое, что было сказано мимоходомъ, чего не развилъ творецъ системы не потому что не слѣдѣлъ, а потому что не хотѣлъ, потому что развивать этого не слѣдовало. Это люди школы, тѣ послѣдователи философа, которые всегда остаются въ хвостѣ, идутъ по разъ указанной имъ дорогѣ и не въ состояніи пролить новаго свѣта на вѣчно-юные вопросы. Толкователи находятъ противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или хотятъ перерѣзать нервы геніальной системы, сгладить то, безъ чего опа не мыслима. Вѣдь сгладить не значитъ еще примирить, а случается, что сгладить это только уничтожить дѣло творца, лишить систему того, въ чемъ заключается ея суть. Толкователи эти забываютъ, что можно примирять только, когда вносишь свое, и такое свое, которое крѣпче прежняго, потому что жизненнѣе, и гдѣ опять новыя противорѣчія, потому что бьется жизнь.

Трудно отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ создалась какая-нибудь система, понять ея генезисъ, т. е. происхожденіе. Это неразрѣшимая задача, надъ которою не мало трудятся современные изслѣдователи, и она тѣмъ болѣе не разрѣшима съ помощью черновыхъ, набросковъ и мельчайшихъ подробностей жизни, ибо такому то, именно, анализу и не поддается творчество.

Если исторію философіи нельзя вполне отдѣлить отъ исторіи, если факторами ея являются, по мнѣнію маститаго нѣмецкаго историка философіи, автора монументальной «Философіи Греціи» Целлера *во первыхъ* общія условія просвѣщенія каждаго времени и народа, *во вторыхъ* предшествовавшія системы, *въ третьихъ* личность философа (Grundriss

§ 3), то все же приходится замѣтить, что въ исторіи философіи болѣе, чѣмъ въ исторіи играетъ роль личность, въ ней еще болѣе простора для индивидуальности, къ ней еще менѣе можно бы примѣнить всеѣмъ извѣстное воззрѣніе гр. Льва Толстого на ходъ міровыхъ событій. *На ней еще болѣе, чѣмъ на исторіи, лежитъ отпечатокъ ея дѣятелей—геніевъ мысли.*

Можно, пожалуй, сказать, что каждый философъ сынъ своего времени и народа, младшій братъ тѣхъ философовъ, которые жили раньше, но онъ отецъ своей системы *Исторія философіи всегда останется исторіею философовъ.* Каждый философъ идетъ дальше, потому что развиваетъ то, что сдѣлано до него, по развиваетъ по своему. То направленіе, которому онъ слѣдуетъ, находится часто въ прямомъ противорѣчій съ предшествовавшими, и отрицаніе оказывается иногда плодотворнѣе признанія. Но и прямая противоположность сама только зависимость, потому что ею вызвана Эта новая дорога продолженіе старой, и преемственная связь никогда вполне не порвана. Таково отношеніе между Сократомъ и софистами, Локкомъ и Декартомъ, Кантомъ и Лейбницемъ. *Исторія философовъ никогда не перестанетъ быть исторіею философіи.*

Глубоко неправъ Гегель, заключившій исторію философіи въ логическія рамки тезиса, антитезиса и синтеза, т. е. положенія, отрицанія и отрицанія отрицанія. Благодаря такимъ рамкамъ его исторія философіи потеряла всюкую жизненность. Гегель отрицаетъ самое существованіе объективности, самую возможность такого идеала, и изъ его исторіи философіи нельзя научиться исторіи философіи. И всякая исторія философіи, которая начинается съ рамокъ, измышляетъ планъ и начертываетъ схему, не можетъ не подгонять подъ эти рамки, не вкладывать въ нихъ хотя бы насильно, и грѣшитъ потому тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе строить, чѣмъ болѣе приближается къ этому антиподу всякой дѣйствительности, къ этому верху искусственности самымъ яркимъ выразителемъ которой служитъ Гегель.

Но тѣ неминуемыя рамки, въ которыя приходится помѣщать исторію философіи, это три историческія эпохи.

У насъ есть философія древняя, которая называется и древнегреческою или греческою, потому что на ней лежитъ отпечатокъ народа, создавшаго философію. Древняя философія начинается съ незапамятныхъ временъ, съ философіи восточныхъ народовъ, если признавать ее философіею, а не религіею, и обрывается указомъ Юстиніана въ 529 году, когда закрывается послѣдняя греческая школа въ Афинахъ. Сред-

ния философія это другими словами философія среднихъ вѣковъ. Съ эпохи возрожденія въ XV в., когда обновляется вся народная жизнь, на смѣну ей выступаетъ новая философія.

Не смотря, однако, на такое рѣзкое, повидимому, разграниченіе, послѣдній періодъ греческой философіи уже полонъ новыми вліяніями и не только въ XV и XVI вв., но и въ XVII в. еще живы средневѣковыя преданія. Не надо забывать, что всякое время является переходнымъ къ слѣдующему, и рѣзкія грани существуютъ только на бумагѣ. Жизнь всегда шире, и переходы ея иногда неуловимы.

Приходится признать, что содержаніе исторіи философіи не исчерпано тѣмъ, что мы знаемъ до сихъ поръ. Настоящіе и будущіе ея изслѣдователи откроютъ еще не мало чертъ, которыя сдѣлаютъ рисунокъ тоньше и полнѣе.

Трудно, конечно, охарактеризовать эпохи исторіи философіи въ нѣсколькихъ словахъ и въ каждой такой характеристикѣ есть всегда своя доля неправды. Такъ принято считать, что въ древней философіи духъ еще не отдѣлился отъ природы, или она характеризуется единствомъ духа и природы, признается, что въ новой философіи духъ и природа находится въ равновѣсіи или что духъ получаетъ въ ней перевѣсъ надъ природою, а средняя философія считается временемъ междуцарствія, упадка философіи и торжества вѣры надъ разумомъ. А когда выражаются еще короче, то говорятъ, что вопросы бытія составляютъ содержаніе древней философіи, вопросы мышленія или знанія содержаніе новой, въ средніе же вѣка философія обратилась въ служанку религіи.

И вѣдь, пожалуй, вѣрно, что природа была для грековъ всеѣмъ, что средневѣковая философія подпала подъ власть религіи, что въ новой философіи духъ или разумъ восторжествовалъ надъ природою.

Но все же не надо забывать и того, что появленіе перваго дуалиста т. е. того мыслителя, который отдѣлилъ тѣло отъ души или духа, то есть призналъ въ человѣкѣ существованіе двухъ началъ и пересталъ потому быть безсознательнымъ монистомъ, чтобы стать сознательнымъ дуалистомъ, было важнымъ шагомъ впередъ, и шагъ этотъ совершенъ уже въ 1-ю эпоху философіи. Уже тутъ, слѣдов., восторжествовалъ духъ надъ природою или сила разумная надъ неразумною.

Во время же упадка философіи или ея междуцарствія было разработано не мало весьма сложныхъ психологическихъ вопросовъ и получилъ первенствующее значеніе этотъ главный и до сихъ поръ вопросъ этики, составляющій ея крестъ, именно, вопросъ о свободѣ воли. А если средневѣковая философія была мелочна, если самое слово схола-

стика синонимъ всего мертвеннаго и сухаго, все же представители ея не всегда были только тѣмъ, чѣмъ они намъ кажутся теперь, а въ XIX в. схоластика еще не обойдена.

Въ новой же философіи дучъ не всегда имѣеть перевѣсъ надъ матеріей или сила разумная надъ неразумною. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить системы пессимистовъ XIX в.—создателей тѣхъ философскихъ системъ, во главѣ которыхъ стоятъ слѣдная воля и бессознательное. Ученья эти вѣдь идутъ въ разрѣзъ со всеѣмъ духомъ новой философіи, не ваяются съ торжествомъ разума надъ природою и представляютъ рѣзкій диссонансъ тамъ, гдѣ знаменемъ всего времени служить рационализмъ. Въ новой же философіи возродился опять монизмъ и монизмъ сознательный въ видѣ ли спиритуализма, признающаго одно духовное начало, въ видѣ ли материализма, вѣрующаго только въ матерію.

Обративъ вниманіе только на самыя крупныя черты исторій философіи можно также сказать, что философія занималась происхожденіемъ и сущностью міра и духа *прежде*, занимается происхожденіемъ и сущностью сознанія *теперь*.

То что такое сознаніе для насъ теперь то самое, чѣмъ былъ вопросъ о мірѣ для родоначальника философіи, для Өалеса, и если Өалесъ и совершилъ тотъ важный шагъ впередъ, что *отвѣчалъ*, пусть онъ и ошибся, насъ отдѣляетъ отъ Өалеса то, что мы, съ своей стороны, не можемъ ошибиться, потому что не рѣшаемся отвѣчать. Мы знаемъ, что всякій нашъ отвѣтъ можетъ быть только отождествленіемъ. Сознаніе не что иное вѣдь какъ сущность человѣка или центръ его внутренней жизни. Мы мыслимъ, чувствуемъ, хотимъ, поскольку создаемъ такія проявленія нашей внутренней жизни. Не будь у насъ сознанія мы бы не *знали*, что мыслимъ, чувствуемъ и хотимъ. Но это, конечно, не отвѣтъ, и больше мы сказать не въ состоянии.

Отвѣтить на этотъ вопросъ значило бы иначе разгадать, въ чемъ заключается сущность человѣка, сущность и бытія и мышления. Сдѣлать этого мы не можемъ, потому что, если бы мы были въ состояніи это понять, то не могли бы уже продолжать жить. Наша жизнь утратила бы, въ такомъ случаѣ, весь свой смыслъ, а смыслъ ея одинъ—это наше стремленіе къ истинѣ, это наша жажда правды. Слишкомъ тѣсны показались бы намъ предѣлы жизни, если бы мы ихъ разгадали, и мы поэтому всегда останемся на рубежѣ.

Черезъ какия эпохи ни пройдетъ еще философія, въ какихъ новыхъ формахъ ни проявится еще ея основныя вопросы, всегда скажется

рубежъ. Формы философіи навѣрное обновятся, а сущность ея останется все тою же, все тѣмъ же незнаніемъ.

Какимъ образомъ можно изучать исторію философіи? Можно читать произведенія философовъ, которыя и являются *первоисточниками* при этомъ изученіи. *Источниками* же служатъ тѣ свѣдѣнія, которыя передаются историками философіи. 1-й опытъ систематическаго изложенія принадлежитъ Аристотелю. Такъ въ 1-й книгѣ своей знаменитой философіи, получившей названіе «Метафизика» (*τὰ μετὰ τὰ φυσικά*), подъ которыми мы знаемъ ее теперь, приводя въ порядокъ произведенія Аристотеля, Андроникъ Родосскій въ I в. по Р. Х. помѣстилъ ее послѣ физики, Аристотель начинаетъ съ того, что по каждому вопросу приводитъ все то, что было сдѣлано до него, и даетъ критическую оцѣнку всѣмъ этимъ мнѣніямъ. Ученики Аристотеля пошли по дороге компиляции, которая не оставлена до сихъ поръ.

Само собою разумѣется, что пересказъ никогда не въ состояніи дать того, что можно вынести изъ подлинника. Есть такіе случаи (и это касается всей досократической философіи), когда произведенія философовъ или ихъ отрывки дошли до насъ изъ 3-хъ и 4-хъ рукъ. Но первоначальный текстъ не сохранился и тамъ, гдѣ передъ нами иногда и сами произведенія.

Такова участь нѣкоторыхъ сочиненій Аристотеля. Текстъ ихъ подвергался столькимъ измѣненіямъ, что нѣтъ возможности рѣшить, какъ, именно, его исказили и трудно придти къ какимъ-нибудь выводамъ относительно того, *что* въ этихъ такъ называемыхъ аристотелевскихъ сочиненіяхъ принадлежитъ самому Аристотелю.

Случалось чаще, чѣмъ случается, что подложныя сочиненія считались истинными, а теперь бываетъ и то, что подлинныя сочиненія объявляются подложными. Такова участь нѣкоторыхъ діалоговъ Платона. Это составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ XIX в., изнанку той критики, которая забываетъ, что она должна быть не только филологическою, но историко-философско-филологическою. Мы имѣемъ тутъ передъ собою кропотливую работу людей, вся жизнь которыхъ, (говоря съ извѣстною натяжкою, т. е. посвящается не жизнь, а только годы) посвящена отысканію смысла одной какой-нибудь частицы или счету придыханій въ діалогахъ Платона. Это та критика, которая только дробить, отрываетъ отъ зданія камень за камнемъ*) и не ви-

*) Хотя бы критика Ксенофонта Диндорфомъ и Крономъ. Archiv für die Geschichte der Philosophie B. IV, H. I. Döring Xenophon's Memorabillen als Hülfsmittel positiver Kritik.

дить изъ-за деревьевъ не только лѣса, лѣсъ давно исчезъ, перестали существовать не только деревья, но и сучки, и остался одинъ игольникъ.

И какъ бы ни была, слѣдовательно, кропотлива эта работа, мелочна полемика, которая поднимается изъ за одной какой-нибудь частицы, и необъятно все то остроумие, которое тратится на опроверженіе прежнихъ догадокъ и на составленіе новыхъ, все же безъ этого всяческаго оружія нельзя бы такъ смѣло отстаивать правду, нельзя бы доказать съ такою полной очевидностью, какъ это возможно въ нѣкоторыхъ случаяхъ теперь что, именно, хотѣлъ сказать авторъ И въ этомъ заключается заслуга нашего вѣка: это работа нѣмцевъ, отчасти англичанъ и французовъ. Мы русскіе всего болѣе потрудились въ области средне-вѣковой философіи, и тутъ у насъ есть цѣнные труды. Много предстоитъ еще поработать въ области философіи древней и новой и въ особенности философіи Россіи, возникшей не въ XVIII в., какъ это иногда думаютъ.

И только работая и ошибаясь, и всякая ошибка поучительна для тѣхъ, кто идетъ дальше. кто продолжаетъ дѣло, чтобы ошибаться, въ свою очередь, чтобы оставить потомству всего чаще одну громадную ошибку, а въ ней иногда и крупницу правды—искру того самаго протеева огня, который одинъ заставляетъ мириться съ жизнью, одинъ освѣщаетъ ея пути.

І. Греческая философія.

§ 2. Вліяніе Востока на Грецію.

Откуда появилась у грековъ философія составляетъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который занимаетъ видное мѣсто среди вопросовъ, раздѣляющихъ изслѣдователей на два лагеря. То мнѣніе, что греческая философія сложилась подъ вліяніемъ Востока и въ особенности сильно отразилась на ней близость Египта, что есть слѣды сношеній съ Персіей, Индіей и даже съ Китаемъ, что не безслѣдно прошло блестящее время Будды, Зороастра и Конфуція, жившихъ около 600 года до Р. Х., мнѣніе это имѣетъ горячихъ приверженцевъ и въ XIX в (въ особенности Рста и Гладіца, отчасти Новицкаго), а существуетъ уже съ III в. до Р. Х. Оно само, по всей вѣроятности, восточнаго происхожденія (Zeller Grundr., 15), но это мнѣніе меньшинства. Большинство же изслѣдователей отрицаютъ такое вліяніе Востока и отрицаютъ не безъ основанія. Смѣлыя сопоставленія, сближенія и догадки восточниковъ разбиваются отъ неопровержимыя доводъ, что на Востокъ не существовало

вовсе цѣльныхъ философскихъ системъ, что и Будда и Зороастръ и Конфуцій были основателями религій. Доводъ этотъ подкрѣпляется тѣмъ другимъ, что греки не были знакомы съ языками восточныхъ народовъ и что до сихъ поръ не обнаружено никакихъ слѣдовъ, что философія ихъ заимствована (Grundr., 17). Но само по себѣ это не представляло бы еще доказательства, т. к. вѣдь несомнѣнно, что древнепеласгическая народность образовалась подъ вліяніемъ финикійцевъ, вѣроятно, что письменные знаки были заимствованы іонійцами изъ Египта, астрономическія и геометрическія свѣдѣнія были вынесены оттуда же, арифметическія изъ Финикіи. А, слѣдов., для такихъ заимствованій и не было нужно владѣть языками. То же, что слѣды заимствованія греками ихъ философіи до сихъ поръ еще не обнаружены, не составляетъ еще доказательства или является доказательствомъ весьма слабымъ.

Но почему, именно, хотѣтъ отрицать? Какъ у сосѣднихъ съ Греціею народовъ зародились точныя науки, такъ греки, въ свою очередь, положили начало философіи, и невозможнаго тутъ нѣтъ ничего. То же, что это могло быть совершено греками, объясняется многими причинами, которыя оказались для того благоприятными. Тутъ участвовало во 1-хъ то дарованіе, которое до сихъ поръ рѣзко отличаетъ древнихъ грековъ отъ всѣхъ остальныхъ народовъ—это тонко развитое чувство красоты, то эстетическое чутье, то пониманіе формы, которое создало искусства и оказалось плодотворнымъ и для философіи. Способствовало этому во 2-хъ) географическое положеніе Греціи, благодаря которому греки находились въ близкомъ соприкосновеніи съ другими странами и могли пользоваться ихъ произведеніями. Такимъ образомъ обезпечивалось ихъ матеріальное благосостояніе и слѣдствіемъ его явился досугъ. Греки находились въ центрѣ тогдашняго цивилизованнаго міра и шире потому, чѣмъ другіе народы, могли взглянуть на міръ. Въ 3-хъ) оказало тутъ свое дѣйствіе развитіе въ Аѣинахъ и на островахъ гражданственности и не безъ вліянія осталось чувство свободы и независимости, отразившееся на свободѣ духа. Надо отмѣтить еще 4-ое обстоятельство, которое оказалось благоприятнымъ для возникновенія греческой философіи, то, именно, что у грековъ уже существовала поэзія, что у нихъ были не только антифилософскія пѣсни Гомера, гдѣ упоминается о происхожденіи міра изъ воды или Океана. (П. XIV, 201, 246), но и болѣе важное въ философскомъ отношеніи произведеніе Гезиода—теогонія или исторія происхожденія боговъ, гдѣ уже заключаются зародыши философскаго міросозерцанія—все происходитъ изъ Хаоса (Theog. V, 116, 123) и еще болѣе важныя орфическія теогоніи, родоначальникомъ которыхъ считался миѣическій

Орфей. По древнѣйшему варианту этихъ теогоній все происходитъ изъ воздуха и ночи. Къ орфическимъ теогонимъ надо отнести тѣ интересныя слова Геродота (II, 53), что «Гомеръ и Гезіодъ дали грекамъ ихъ теогоніи, но поэты, которые, считается, что жили раньше, были, по моему мнѣнію, позже». Геродотъ здѣсь какъ бы признаетъ значеніе орфической поэзіи. Лишь въ недавнее время обратили вниманіе на орфиковъ, и до сихъ поръ еще далеко не удалось опредѣлить все ихъ вліяніе на философію. Если греческая философія и возникла, по мнѣнію Целлера, изъ стремленія объяснить явленія естественными ихъ причинами (Grundr., 5) и этимъ и характеризуется то враждебное отношеніе, въ которое она должна была вступить къ религиознымъ вѣрованіямъ Гомера, т. к. богамъ не будетъ уже отводиться то мѣсто, которое принадлежало имъ прежде,—между тѣмъ, 5-ое обстоятельство, благоприятствовавшее развитію философіи было то, что религія грековъ запечатлѣна тою самою чертою, которою будетъ отличаться и ихъ философія. Черта эта чувство божественности человѣка, духовности его природы. Это иначе очеловѣченіе боговъ или антропоморфизмъ. Впервые выступило на мировую сцену поклоненіе въ лицѣ природы человѣку и его не знали восточныя народы, унижавшіе человѣка передъ природою.

§ 3. О раздѣленіи греческой философіи на три періода.

Греческая философія просуществовала 12 вѣковъ съ VI в. до Р. X по VI в. послѣ Р. X. Обыкновенно она раздѣляется на три періода, но среди историковъ философіи нѣтъ единогласія относительно времени начала 2-го и 3-го періодовъ. Различно понимая ея содержаніе они придерживаются и различныхъ раздѣленій. Если считать вмѣстѣ съ Ибервегомъ—Гегелемъ предметомъ 1-го періода объектъ, 2-го субъектъ, то надо начинать 2-й періодъ съ софистовъ и еще лучше съ Анаксагора, но никакъ не съ Сократа, какъ это чаще встрѣчается (такъ Целлеръ, Брандисъ). Предметомъ 3-го періода служить по Ибервегу-же Божество, и періодъ этотъ начинается потому не непосредственно послѣ Аристотеля (Брандисъ) и не съ философіи Рима (Гегель), а только съ новоплатонизма (такъ между прочимъ и Целлеръ). Мѣстомъ дѣйствія философіи въ теченіи 1-го періода являются острова Архипелага, малая Азія и греческія колоніи въ Италіи, во время 2-го Аѣины и Римъ и въ продолженіе 3-го Александрія.

§ 4. Первый періодъ греческой философіи.

Не вполне вѣрно, потому что не достаточно точно опредѣлять содержаніе 1-го періода Целлеръ, когда онъ говоритъ, что «философіи была по своему предмету натурфилософіей, (т. е. философіей природы), по своему методу догматизмомъ (т. е. воззрѣніемъ, не подвергнутому критическому началу, на которыхъ оно зиждется, а принимающимъ ихъ на вѣру), по своимъ результатамъ реализмомъ и даже материализмомъ» (Grundr. 24). Мы сейчасъ увидимъ, почему воззрѣніе это окажется не вполне точнымъ—оно, въ тоже самое время, и слишкомъ широко и слишкомъ узко.

Несомнѣнно то, что предметомъ 1-го періода является вопросъ о сущности міра, и какъ ни разнообразны ученія, въ него входящія, всѣ они характеризуются этою самою чертою, содержаніе ихъ исчерпывается отвѣтомъ на вопросъ «изъ чего состоитъ міръ?» или «въ чемъ заключается его сущность?» И второй періодъ начинается, когда вопросъ этотъ уже достаточно исчерпанъ. Онъ, правда, не обойденъ и во 2-мъ періодѣ, но онъ болѣе не единственный и не стоитъ уже на первомъ планѣ.

Къ первому періоду относятся слѣдующія 5 школъ, три изъ нихъ древнѣйшія и образовались въ VI в.—это древнеионійская, пифагорейская и элеатская и двѣ позднѣйшія—школа физиковъ и атомистовъ, которая относится къ V вѣку.

§ 5. Древніе іонійцы.

О древнихъ іонійцахъ или милетцахъ Аристотель говоритъ въ своей Метафизикѣ (I, 3) слѣдующее. «Что касается первыхъ философовъ, то большинство изъ нихъ мыслило начало всѣхъ вещей лишь въ видѣ вещества. То, изъ чего все состоитъ, то, изъ чего все возникло, во что подъ конецъ все обратится.... такова, по ихъ мнѣнію, стихія и начало всѣхъ вещей».

Интересно, что, по Гомеру, все произошло изъ воды, по Гезіоду, изъ хаоса, а въ древнѣйшей орфической теогоніи однимъ изъ родоначальниковъ является воздухъ. И тутъ находятся, значитъ, уже въ зачаткѣ ученія трехъ первыхъ іонійцевъ или милетцевъ.

Болѣе трехъ вѣковъ отдѣляютъ пѣсни Гомера отъ рожденія *Θалесса*. Онъ былъ современникомъ Солона и Креза и родился въ 640 году. Товарищемъ и другомъ его считается *Анаксимандръ*, родившійся въ